

Касаясь отдельных критических замечаний, М. О. Косвен возразил против трактовки военной демократии как политической надстройки. Военная демократия является именно эпохой в развитии первобытного общества, так как политическая надстройка не может существовать без соответствующего ей базиса; изучение трудов классиков марксизма-ленинизма позволяет рассматривать военную демократию как определенный исторический этап. Именно так трактуется этот термин и в последних трудах по истории народов СССР. Нет ничего ошибочного в том, что общества, весьма различные по уровню своего социально-экономического развития, характеризуются в книге как матриархальные: матриархат не однотипен, в разных обществах он различен. Настаивая на своем утверждении, что первой формой частной собственности является частная собственность на землю, М. О. Косвен отметил, что он основывается в этом вопросе на указаниях Энгельса и исходит из марксистского положения о частной собственности как отношении между людьми, а не отношении к вещам. Ни орудия, ни скот не могли в то время явиться частной собственностью; вообще же поднятый вопрос очень сложен, и освещение его в дальнейшем будет дано особо. Некоторые отдельные поправки, сделанные участниками обсуждения, очень спорны. Существуют весьма различные мнения по поводу родины картофеля и многих других культурных растений. Вопрос о соотношении лесного и степного земледелия все еще не изучен. Весьма спорно утверждение о том, что появление одежды предшествовало возникновению жилища: археологи оперируют в этом вопросе не фактами, а умозрительными соображениями. Не отрицая наличия в книге известного схематизма, М. О. Косвен указал на неизбежность его при современном состоянии наших знаний о первобытности, а также на необходимость известных упрощений в научно-популярном издании. В заключение М. О. Косвен подчеркнул необходимость усиления научной разработки вопросов первобытной истории и, в частности, желательность подготовки ряда исследований по отдельным конкретным вопросам.

Заключая прения по книге, А. В. Арциховский выразил пожелание, чтобы при подготовке второго издания были учтены критические замечания, высказанные при обсуждении.

А. Першц

НАРОДЫ СССР

С. И. Руденко. *Культура населения Горного Алтая в скифское время*. М.—Л., 1953.

Капитальный труд С. И. Руденко «Культура населения Горного Алтая в скифское время» представляет собою монографию, посвященную изучению Пазырыкских курганов на Алтае. Книга содержит более 400 страниц обильно иллюстрированного текста и свыше 120 черно-белых и цветных таблиц. Первая глава книги посвящена описанию ландшафта и географических условий Улаганского нагорья и вопросам курганной мерзлоты, этого специфического явления, обусловившего сохранность пазырыкских находок. Во второй главе дается общее описание курганов и процесса их раскопок, а в третьей — описание физического типа пазырыкцев по костным материалам и мумиям, обнаруженным в погребениях. В последующих главах описываются хозяйство и образ жизни, одежда и украшения, средства передвижения и техника обработки различных материалов. В восьмой главе автор затрагивает трудные для разрешения в археологическом исследовании вопросы об общественном строе. Далее очень подробно даются описание и анализ предметов искусства, для чего Пазырыкские курганы представляют богатейший и разнообразный материал. Десятая глава посвящена верованиям и культу пазырыкцев, вопросам, не менее трудным для разрешения их на археологическом материале, чем общественный строй. В заключительной, одиннадцатой, главе автор подводит итоги своего исследования, формулирует датировки и высказывает некоторые соображения относительно этнической принадлежности пазырыкцев.

Как в процессе полевых работ, так и в дальнейшем исследовании автор уделит много внимания комплексному изучению географических условий Улаганского нагорья, вопросам палеоботаники и исторической климатологии. Тщательно анализируя собранные данные, С. И. Руденко убедительно показывает, что в период, к которому относятся сооружения Пазырыкских курганов, как климатологические условия, так и состав флоры и фауны не отличались сколько-нибудь существенно от современных. Эти выводы в дальнейшем служат автору конкретной базой для реконструкции форм хозяйства, в силу чего эта реконструкция весьма выигрышает в своей убедительности. Особо был поставлен вопрос об изучении курганной мерзлоты, для чего в состав экспедиции были приглашены соответствующие специалисты. Изучение этого интересного явления, обусловившего сохранение не только таких материалов, как дерево, кожа и ткани, но даже и конских трупов, позволило автору детально разобратся в вопросах о времени и условиях, при которых было совершено ограбление. Можно вполне согласиться с автором, что ввиду чрезвычайной затрудненности работы, которую требовалось проделать в условиях промерзшего грунта, эти ограбления могли иметь место лишь после того, как пазырыкцы покинули долину Улагана.

Коснуться в настоящей рецензии всех вопросов, затронутых С. И. Руденко в его обширном исследовании, не представляется возможным. Остановимся лишь на некоторых, как нам представляется узловых, вопросах.

Реконструируя формы хозяйства пазырыкцев, С. И. Руденко считает, что оно было комплексным, причем ведущая роль принадлежала скотоводству. Как полагает автор, известную роль играла и охота, особенно среди беднейших слоев населения, где она, вероятно, являлась немаловажным подсобным промыслом в отличие от более зажиточных хозяйств. Если судить по имеющимся материалам, охота носила уже не только потребительский, но отчасти и товарный характер. О последнем говорит обилие вещей из меха пушных зверей, среди которых особо ценились белка и соболь. «Не случайно,— пишет автор,— что во всех захоронениях племенных вождей или старейшин, там, где сохранилась меховая одежда, мы встречаем одежды из меха соболя» (стр. 75).

Вопрос о существовании земледелия у пазырыкцев автор оставляет открытым. Ни в одном из курганов не было найдено ни зерен культурных злаков, ни даже зернотерок, что, впрочем, может объясняться и высоким общественным положением погребенных. С. И. Руденко указывает, что и климат Улаганской долины слишком суров для существования в ней земледелия, однако он не исключает возможности, что у населения Центрального Алтая, в частности, в долине Урсула, где климат теплее и мягче, оно могло существовать, хотя и едва ли в значительных размерах.

Судя по находкам в Пазырыке, состав стада был разнообразным. Пазырыкцы разводили как крупный рогатый скот — коров и яков, так и мелкий — коз и овец, однако центральное место, несомненно, занимало коневодство. Несмотря на то, что скотоводство играло доминирующую роль в хозяйстве пазырыкских племен, С. И. Руденко, в противоположность М. П. Грязнову¹, не считает возможным рассматривать пазырыкцев как кочевников. Действительно, как полагает автор, развитию кочевого быта не способствовала и естественная среда. Обильные пастбища Горного Алтая вполне обеспечивали потребности местного скотоводства и не только в летнее время, но и зимой, даже при самых незначительных сезонных передвижениях стад. О полуседлом, если даже не оседлом, образе жизни древних насельников Горного Алтая говорит хорошо развитая строительная техника. Следует вполне согласиться с автором в том, что искусство, с которым сделаны срубы погребальных камер, могло сложиться лишь в условиях длительного и постоянного совершенствования в сооружении рубленых домов. Можно поэтому не сомневаться в том, что у пазырыкцев существовали оседлые поселения, хотя некоторая часть населения могла находиться постоянно при стадах. Подобный тип хозяйства, сочетающий в себе оседлый быт с кочевыми формами хозяйства, хорошо известен по этнографическим данным. В качестве примера можно указать на башкир, у которых при наличии оседлости, существовал не только летний, но и зимний выпас скота в условиях, даже менее благоприятных, чем в Горном Алтае. Еще более ярким примером могут служить зыряне-ижимцы, у которых лишь отдельные хозяйства или даже отдельные члены семьи вели кочевой образ жизни, уходя со стадами за сотни километров (а не десятки, как это могло быть на Алтае), в то время как основная часть населения жила совершенно оседло, занимаясь охотой и ремеслами: ткачеством, изготовлением медных котлов, бронзовых украшений и других предметов, предназначавшихся на продажу, главным образом ненцам-кочевникам.

Не исключена, конечно, возможность, что у пазырыкцев существовали хотя и постоянные, но сезонные поселения типа летников и зимников. Такой тип оседлости также хорошо известен у некоторых народов Сибири с комплексными формами хозяйства, как, например, у манси, хантов и некоторых других. У них можно было наблюдать существование зимних, летних, а иногда и весенних поселений, состоявших из постоянных рубленых жилищ. Выбор мест для сезонных селений обуславливался спецификой хозяйственного года и местными климатическими условиями. Расстояния между зимними и летними селениями обычно бывали порядка нескольких километров, изредка больше — пятнадцати-двадцати. Здесь обитала основная часть населения, и лишь небольшая группа его, состоявшая, как правило, из отдельных представителей больших семей, часть года или даже круглый год кочевала с оленями, уходя в горы или тундру.

Дополнительным аргументом в пользу оседлости пазырыкцев является отмеченный В. О. Виттом и С. И. Руденко факт, что кровные кони из Пазырыкских погребений должны были содержаться в стойлах на концентрированных кормах, что также едва ли могло иметь место при кочевом быте.

В соответствии с комплексным развитым хозяйством и достаточно высоким уровнем развития техники у пазырыкцев автор реконструирует их общественный быт. Он устанавливает наличие глубокого имущественного расслоения и отчетливой общественной дифференциации, хотя еще и в пределах первобытно-общинного строя. Вполне убедительно и наличие военной организации, причем следует согласиться с автором в том, что должность вождя была скорее выборной, чем наследственной, и при избрании его предпочтение отдавалось личным качествам воина. Едва ли приходится возражать и против выдвинутого автором положения о семейном владении скотом, что не исключало возможности личного владения конями, хожившими под седлом. Убедительно показан развитый характер обменно-торговых связей как с соседними, так и с более отдаленными областями.

Следует отметить, что автор очень осторожен в своих выводах как в отношении общественного строя, так в еще большей степени в отношении религиозных представлений. Однако в этом его едва ли можно упрекнуть, учитывая неполноту и односторон-

¹ М. П. Грязнов, Первый Пазырыкский курган, *Л.*, 1950, стр. 50.

ность материала, при полном отсутствии данных, касающихся поселений того времени. Тем не менее и те сведения, которые приводит в своей книге С. И. Руденко, представляют совершенно исключительный интерес. Обряды балзамирования трупов, татуировка на телах вождей, пышное и красочное искусство пазырыкцев — все это открывает перед нами совершенно новый мир. Открытия С. И. Руденко заставляют полностью отбросить старые представления об отсталых народах, якобы влечивших тусклое существование в захолустной сибирской глуши. Автор дает представление о совершенно иной картине жизни древних алтайских племен с их удивительным народным творчеством и их обширнейшими связями, уходившими в Китай и Переднюю Азию.

Довольно подробно С. И. Руденко останавливается на одной очень интересной детали конского убранства, вызвавшей в свое время оживленную полемику в литературе. Деталью этой являются маски и наголовья, изображающие фантастических животных и борьбу зверей, обнаруженные в ряде конских захоронений. Как известно, в свое время Н. Я. Марр в маскировке коней увидел подтверждение своей теории о смене оленеводства, хотя, по существу говоря, маска с оленьими рогами из 1-го Пазырыцкого кургана изображает нападение барса на оленя, а во время как вторая маска из того же кургана вообще не содержит оленьих черт. К точке зрения Н. Я. Марра в одной из своих ранних работ присоединился и С. И. Руденко². Позднее в связи с анализом пазырыкских материалов эту теорию поддержали С. В. Киселев и М. П. Грязнов³. В рецензируемой работе С. И. Руденко отмечает, что раскопки последующих курганов не только привели его к полному отказу от этой теории, но и показали всю ее необоснованность. Он подчеркивает, что «из восьми намерший конских головных уборов только в одном мы видим оленью голову и в другом оленьи рога, все же остальные шесть представлены иными мотивами» (стр. 226). Уже это одно заставляет отбросить всякую мысль о маскировке коня под оленя. Мало того, наголовье в виде оленя из 6-го кургана показывает, что эти вещи не являлись специально погребальными, а служили, скорее всего, церемониальным убранством. Следы употребления и ремонта на последнем наголовье свидетельствуют об этом достаточно убедительно.

Остановимся на вопросе о датировках, по которому в литературе было высказано несколько различных точек зрения. Исходя из всего комплекса находок в Пазырыкских курганах, С. И. Руденко считает возможным «первые два и, вероятно, пятый датировать V веком до н. э., а остальные концом V, вернее IV в. до нашей эры» (стр. 360). От более точной их датировки автор пока воздерживается. Очень близкую позицию в отношении датировки 1-го Пазырыцкого кургана занимает М. П. Грязнов, исходя из «ясно прослеживаемых культурных связей с народами Ирана и Средней Азии ахеменидского времени»⁴. Однако, в отличие от С. И. Руденко, он считает, что наиболее вероятной датой является IV в. до н. э., поскольку он не усматривает в комплексе вещей майэмирского типа.

Следует заметить, что это соображение М. П. Грязнова о невозможности датировать 1-й Пазырыцкий курган V в. до н. э. не является бесспорным. В своей работе, посвященной 1-му кургану, на основании изучения пробоин на конских черепах он дает весьма убедительную реконструкцию клеветца, которым были убиты погребенные кони. Подобного типа клеветцы С. В. Киселев относит к первой стадии тагара⁵. Дополнительные данные С. И. Руденко показывают, что аналогичными клеветцами были убиты кони и из других курганов и, что еще интереснее, от удара этим же оружием погиб и вождь, погребенный во 2-м кургане.

Все это вместе взятое указывает на то, что бронзовые клеветцы как боевое оружие еще широко бытовали в пазырыкское время. Хотя они и продолжали встречаться в IV в. до н. э., основное распространение их все же падает на более раннее время, что в известной степени идет в разрез с приведенным выше доказательством М. П. Грязнова о невозможности датировать 1-й курган V в. до н. э.

Иную позицию в датировке Пазырыкских курганов занимает С. В. Киселев. Признавая наличие в материале Пазырыкских курганов традиций, уходящих к древности классического Востока и ахеменидского Ирана, С. В. Киселев относит эти черты за счет своеобразной архаизации, якобы свойственной пазырыкцам, и считает, что Пазырыкские курганы относятся ко времени с конца III до I в. до н. э.⁶. Основанием для столь поздней датировки С. В. Киселеву послужило прежде всего сходство пазырыкских вещей с материалами из курганов Шибз и Ноин-Улы и главным образом ссылка на так называемый аму-дарьинский клад. Как указал С. И. Руденко, Шибинский курган, по комплексу вещей действительно очень близкий к 3-му и 4-му Пазырыкским, был датирован М. П. Грязновым и Голомштоком II в. до н. э. — I в. н. э. Эта дата основана на определении японским археологом Умехарой обломка китайской лаковой чашечки. С. И. Руденко указывает, что в настоящее время этого обломка в коллекции нет, почему и проверить определение Умехары невозможно. Последнее было бы крайне

² С. И. Руденко, Скифское погребение Восточного Алтая, «Изв. ГАИМК», 1931, № 2.

³ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, «Материалы и исследования по археологии СССР», 9, 1949, стр. 207; М. П. Грязнов, Указ. соч., стр. 85.

⁴ М. П. Грязнов, Указ. соч., стр. 43.

⁵ С. В. Киселев, Указ. соч., стр. 115, 131.

⁶ Там же, стр. 215—216.

интересно еще и потому, что в современной китайской археологической литературе⁷ типологический метод Умехары подвергнут суровой критике, ввиду чего и определения его не могут считаться бесспорными. Что же касается сходства с Ноин-Улой, то оно легко объясняется тем, что традиции, сложившиеся в Пазырыке, могли бытовать и позднее, почему оно и не может служить доказательством синхронности памятников.

Наконец, аргументация аму-дарьинским кладом с его якобы поздней датой является недоразумением, поскольку, как известно, аму-дарьинский клад является случайным собранием вещей, т. е. не представляет собой комплекса и в целом служить основанием для датировки не может.

Против поздней датировки I-го Пазырыцкого кургана возражал и М. П. Грязнов, отмечавший отсутствие в нем вещей греко-бактрийского происхождения. Добавим от себя, что это соображение, равно как и отсутствие ханских вещей, столь обычных и многочисленных даже в рядовых памятниках Сибири, может быть распространено и на все остальные исследованные курганы Пазырыцкой группы.

Есть еще одно обстоятельство, которое позволяет судить о верхнем пределе существования пазырыцкой культуры. Как С. И. Руденко, так и М. П. Грязнов отмечают, что основным, если даже не единственным орудием, применявшимся для рубки и обтесывания дерева при сооружении погребальных камер, был бронзовый кельт, насаженный на рукоятку либо как топор, либо как тесло. Более того, бронзовым кельтом орудовали и грабители, оставившие в I-м кургане сломанную рукоятку такого кельта. Как уже отмечалось, ограбление пазырыцких курганов было единовременным и произошло уже после того, как долина Улагана была покинута пазырыцкими. Последнее обстоятельство позволяет говорить о том, что бронзовые кельты продолжали бытовать даже некоторое время спустя после конца пазырыцкого культурного этапа. В то же время известно, что бронзовые кельты, тем более как рабочее орудие, полностью исчезают из употребления в III в. до н. э.

Таким образом, нам представляется, что датировка Пазырыцких курганов концом V — IV веком до н. э., выведенная на основании анализа всего комплекса находок, является убедительной. Может быть, в дальнейшем ее придется несколько расширить (до начала III в. до н. э.), но такие уточнения будут возможны лишь после дальнейших исследований. Для датировки Пазырыцких курганов несомненный интерес представляет статья Э. Роуз о влиянии ахеменидского искусства на искусство кочевников. Интересно при этом, что автор, видимо, знакомый с русским языком исходит, из анализа лишь ахеменидского искусства.

Э. Роуз отвергла дату Миннза (для I-го кургана — III в. до н. э.) и Кюна — «около начала нашей эры» — и приходит к тем же выводам, что и М. П. Грязнов, датируя первые два кургана IV в. до н. э. Датировку V в. до н. э. она считает сомнительной⁸. Однако в этой части ее доводы не представляются вполне убедительными, и, может быть, изучение Пазырыцких курганов поможет внести некоторые уточнения в хронологию I тысячелетия до н. э. и позволит установить даты возникновения отдельных форм, получивших широкое распространение в последующее за пазырыцким сарматское время.

При знакомстве с интереснейшей пазырыцкой культурой у каждого читателя естественно возникает вопрос, с какой же этнической группой и с какими народами древности ее следует связывать. Приходится отметить, что в этом вопросе автор проявил излишнюю осторожность. В книге мы не находим прямого ответа на этот вопрос. Вместе с тем, привлекая многочисленные сведения античных писателей о народах, обитавших на степных пространствах Евразии, автор подает их столь суммарно и обобщенно, что они перестают служить каким-либо критерием для этнической характеристики. В частности, едва ли уместно столь безоговорочное перенесение на алтайскую почву скифского пантеона в той форме, как он известен нам по данным Геродота. Это тем более неправомерно, что автор как будто не связывает пазырыццев ни с одним из крупных этнических массивов древности. Наоборот, он говорит о многочисленных племенах, «различных по своему происхождению и языку, обитавших в данную эпоху на огромных пространствах восточноевропейских и азиатских степей и предгорий...» (стр. 361). Даже в пределах Горного Алтая он видит возможность в дальнейшем «выделить из общей массы населяющих его племен более или менее обособленные этнические группы» (там же). Очевидно, у автора нет ясности в этом вопросе; поэтому становятся не вполне правомерными и приводимые им исторические параллели. Нам представляется, что автору следовало бы этим аналогиям и параллелям предпослать свои соображения о возможной этнической принадлежности пазырыццев, тем более, что для таких соображений, как нам думается, известный материал в распоряжении автора имеется.

С. И. Руденко на протяжении всей книги многократно говорит о близости пазырыцкой культуры с культурой населения Северного Причерноморья скифского времени. В то же время, исходя из анализа предметов искусства, С. И. Руденко возражает С. В. Киселеву по поводу высказанного последним предположения, что «изображения грифонов на пазырыцских псалых происходят с запада, из области эллино-скифского

⁷ «Чжунго коагу сюэбао», Шанхай, 1948, № 3 (статья Ли-Цзи, перевод Р. Итса и М. Воробьева).

⁸ A. P. Roes, *Achaemenid Influence upon Egyptian and Normand Art*, «Artibus Asiae», т. 15, вып. 1 и 2, 1952, стр. 24—30.

художественного ремесла»⁹. С. И. Руденко указывает, что подобные изображения известны равным образом по ахеменидскому и ассирийскому искусству. Именно для этих областей — для Передней и Средней Азии — читатель и обнаруживает в книге С. И. Руденко наиболее многочисленные и яркие параллели. Мы не будем останавливаться на их перечислении, читатель легко найдет их в книге. Коснемся лишь одного факта, который, несмотря на свою малозаметность, является, по нашему мнению, весьма существенным для понимания истоков пазырыкской культуры. Как М. П. Грязнов, так и С. И. Руденко, описывая керамику, обнаруженную в Пазырыкских курганах, отмечают, что сосуды изготовлены от руки, но не ленточным налепом, характерным для сибирской керамики, а по способу четырех поясов, характерному для Средней Азии. Можно говорить об импорте оружия, украшений, художественных изделий, можно говорить о воздействиях и влиянии в области изобразительного искусства, но едва ли допустимо говорить о заимствовании техники изготовления лепной посуды. Как уже отмечалось, для Сибири и Северного Казахстана типична ленточная техника. Лепка по способу четырех поясов здесь не применялась, но в то же время в данную эпоху она была характерна для территории распространения сакских племен¹⁰. Как полагают, эта территория достигала западного Алтая, и не исключена возможность, что именно с сакским миром следует связывать происхождение пазырыкской культуры.

В целом, появление работы С. И. Руденко представляет собой большое событие, далеко выходящее за пределы интересов сибирской археологии. Прекрасно подготовленная и хорошо изданная книга найдет себе многочисленных читателей как среди широких слоев интеллигенции, так и среди специалистов — не только археологов, но и представителей ряда смежных дисциплин. Она послужит ценным источником для дальнейших исследований и в области древней истории народов нашей родины, и в области истории искусств, и в общей мировой ориенталистике. Эта книга является прекрасным завершением большой и напряженной работы, проведенной хорошо слаженным коллективом Горно-Алтайской экспедиции под руководством С. И. Руденко.

В. Н. Чернецов

Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, *Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии*. Сборник статей, Изд-во Академии наук Узбекской ССР. Ташкент, 1953.

Антропологические исследования народов Средней Азии ведутся Л. В. Ошаниным и его сотрудниками в течение 30 лет. Часть собранных за это время данных была опубликована Л. В. Ошаниным в 1927—1937 гг., но большая часть оставалась неизданной, хотя частично и была использована в качестве сравнительного материала. В рецензируемом сборнике Л. В. Ошанин и Академия наук Узбекской ССР в известной мере выполнили, хотя и с большим опозданием, свой долг перед советской и мировой наукой, введя в научный оборот оставшиеся ранее не опубликованными результаты антропологического исследования более чем шести тысяч человек, относящихся к разным национальностям Средней Азии и сопредельных областей. Кроме материалов Л. В. Ошанина и его ближайших сотрудников, в сборнике опубликованы также некоторые материалы других исследователей, среди них Д. Д. Букинича о некоторых народах Афганистана, в частности о хезарейцах, — первые, насколько нам известно, антропологические данные об этом народе, основанные на антропометрических и статистических наблюдениях.

Публикация материалов произведена в весьма «экономной» форме. В дореволюционных работах, а также в большинстве современных работ зарубежных антропологов результаты исследования, основанные на материале, в несколько раз меньшем, занимают обычно в несколько раз большее место. Краткость публикации была бы одним из достоинств сборника, если бы она не была несколько чрезмерной. Вряд ли стоило, например, округлять средние арифметические до миллиметра и ограничиваться только средними баллами описательных признаков.

Впрочем, публикация материалов, при всей важности тщательного внимания к этой необходимой стороне научного исследования, не является ни основным содержанием рецензируемого сборника, ни его главной задачей. Направленность сборника определяется его заглавием, вполне соответствующим содержанию. Сборник посвящен вопросам этногенеза, участие в разработке которых составляет одну из основных задач антропологии (хотя и далеко не единственную ее задачу).

Сборник открывается статьей Л. В. Ошанина, озаглавленной «Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии (Итоги 25-летних антропологических исследований в Средней Азии)». В статье описаны основные антропологические типы Средней Азии и сопредельных областей. Автор выделяет шесть типов — два монголоидных: южносибирский и центральноазиатский и четыре европеоидных: тип Среднеазиатского междуречья, закаспийский, хорасанский и переднеазиатский. Два последних на территории советских республик Средней Азии встречаются главным образом среди заведомо пришлого населения. По нашему мнению, выделение двух монголоидных типов на данной территории не оправдывается приводи-

⁹ С. В. Киселев, Указ. соч., стр. 204.

¹⁰ И. И. Копылов, Сакские племена Сыр-Дарьи и Семиречья по археологическим данным (автореферат), Л., 1953, стр. 13.